

УДК 343.985.5:343.261.8

А.Е. Чечетин, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: achechetin@mail.ru;

И.Д. Шатохин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sha_to_hin@mail.ru

ДОПУСТИМЫ ЛИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЗАДЕРЖАНИЕ И ДОСМОТР В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

В статье исследуется вопрос о правомерности использования административно-правовых процедур в оперативно-разыскной деятельности при проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на задержание с поличным лиц, совершающих преступления. Анализ материалов жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации позволил выявить распространенность практики применения административно-правовых процедур в оперативно-разыскной деятельности при задержании с поличным лиц, совершающих преступления, и типичные способы применения указанных мер принуждения, привести конкретные примеры нарушения при этом прав личности. В статье приводится также правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о законности применения административного задержания и досмотра обвиняемого. Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, делается вывод о недопустимости административного задержания и досмотра в процессе осуществления оперативно-разыскных мероприятий и необходимости использования для задержания подозреваемых в совершении преступлений лиц исключительно уголовно-процессуальных механизмов по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, оперативно-разыскная деятельность, административное задержание, личный досмотр, обеспечение прав граждан.

A.E. Chechetin, Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: achechetin@mail.ru;

I.D. Shatokhin, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sha_to_hin@mail.ru

ON THE POSSIBILITY OF ADMINISTRATIVE DETENTION AND EXAMINATION IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

The article examines the question of the legality of the use of administrative and legal procedures in operational-search activities when conducting operational-search activities aimed at red-handed detention of persons who commit crimes. The analysis of the materials of complaints to the constitutional Court of the Russian Federation revealed the prevalence of administrative and legal procedures in operational-search activities when detaining red-handed persons who commit a crime and typical methods of applying these coercive measures, and gave specific examples of violations of individual rights. The article also provides the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on the legality of the use of administrative detention and search of the accused. Based on the legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation, it is concluded that administrative detention and search are inadmissible in the course of operational-search activities and that it is necessary to use exclusively criminal procedure mechanisms for detaining persons suspected of committing crimes.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, operational-search activities, administrative detention, personal search, ensuring the rights of citizens.

Актуальность вынесенного в название данной статьи вопроса обуславливается тем обстоятельством, что оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) объективно не может обойтись без применения такого тактического приема, как задержание с поличным лиц (далее – захват с поличным), совершающих преступления, сопровождающегося личным обыском (досмотром) задержанного. Однако Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) указанных принудительных мер, как известно, не предусматривает. В этих условиях оперативные сотрудники для решения задач по пресечению и раскрытию преступлений в качестве правовой основы своих действий зачастую используют нормы административного законодательства, предусматривающие задержание, личный досмотр, изъятие вещей и документов и т.д. в качестве мер административно-процессуального обеспечения [7]. Такая практика вызывает многочисленные жалобы на действия оперативно-разыскных служб в суды общей юрисдикции и в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд). Как показал проведенный нами анализ, вопрос о нарушении прав в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), связанных с задержанием и досмотром лиц, заподозренных в совершении преступлений, ставился почти в каждой пятой конституционной жалобе граждан на нормы Закона об ОРД.

В качестве иллюстрации складывающейся практики задержания с поличным в процессе ОРД можно привести следующие довольно типичные примеры. Так, автор одной из жалоб в Конституционный Суд после проведенной у его сообщника проверочной закупки наркотических средств был задержан и доставлен в помещение правоохранительного органа, где был подвергнут принудительному досмотру. Эти действия были оформлены документом, который назывался «Акт личного досмотра и досмотра вещей лица, оперативно подозреваемого в незаконном обороте наркотических средств», а в качестве правовой основы досмотра в документе были указаны статьи 6, 7, 8, 15, 17 Закона об ОРД, а также п. 3 ст. 48 и ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [13] (далее – Закон о наркотических средствах и психотропных веществах). Более суток гражданин, лишенный пищи и сна, удерживался в служебном помещении полиции без предъявления ему обвинения, без разъяснения прав, и лишь через 28 часов он был допрошен следователем в качестве подозреваемого, а затем задержан в уголовно-процессуальном порядке. Заявитель в своем обращении совершенно справедливо ставит вопрос о нарушении своих прав и законности применения в отношении него указанных

в акте личного досмотра статей законов. Свою позицию он аргументирует тем, что поскольку его задерживали по подозрению в совершении преступления, то полицейские должны были руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, предоставляющими ему пакет процессуальных прав, включая право на адвоката, в то время как примененные в его отношении законодательные нормы таких прав не предусматривают [11].

Анализ представленных заявителем материалов наглядно демонстрирует не только откровенное незаконие, выразившееся в фактическом задержании подозреваемого без составления необходимых процессуальных документов, но и правовой нигилизм оперативных сотрудников, произвольно толкующих нормы законов. Во-первых, исходя из приведенного названия акта личного досмотра, его составители в данном случае вводят произвольное понятие «лица, оперативно подозреваемого», которое в российской правовой системе отсутствует. Используя это понятие, правоприменители, видимо, хотели подчеркнуть, что подвергнутое личному досмотру лицо не является задержанным в уголовно-процессуальном смысле. Во-вторых, нельзя не видеть и не понимать, что перечисленные в указанном акте статьи Закона об ОРД не предусматривают возможности личного досмотра, а потому ссылка на них как на основание принудительных действий оперативного сотрудника недопустима. В-третьих, не обоснована в акте и ссылка на статьи Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, несмотря на то, что согласно п. 3 ст. 48 этого закона должностные лица органов, осуществляющих ОРД, при контроле за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств наделены правом на проведение досмотра граждан при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка указанных средств. Исходя из системного толкования данной нормы ее применение в качестве правового основания проведения досмотров задерживаемых в ходе ОРМ лиц, на наш взгляд, допустимо лишь в единстве с п. 1 этой же статьи, который предусматривает возможность установления на отдельных территориях Российской Федерации специального административно-правового режима контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Такой же позиции придерживаются и авторы комментария к Закону о наркотических средствах и психотропных веществах, отмечая, что должностные лица уполномоченных органов вправе производить досмотр граждан лишь при осуществлении мер контроля, предусмотренного п. 1 ст. 48 данного закона [1]. Отсюда следует, что указанная норма

может служить основанием для личного досмотра граждан лишь в случае, если на территории, где он проводится, органом государственной власти субъекта Российской Федерации установлен указанный административно-правовой режим. При отсутствии же такого решения указанная норма применяться не может и проведение досмотров на ее основании будет неправомерным. Что касается ссылки на ст. 49 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, наделяющую органы, осуществляющие ОРД, правом на проведение ОРМ, предусмотренных Законом об ОРД, то она не устанавливает ни оснований, ни порядка проведения личного досмотра, а потому в описанном случае была неуместна.

Как показало наше исследование, оперативные сотрудники при захвате с поличным сам факт задержания заподозренного, как правило, не сопровождают составлением каких-либо процессуальных актов, видимо, чтобы не обременять себя необходимостью соблюдения ограниченных сроков внесудебного задержания граждан. При этом в качестве основания для досмотра задержанного ими, кроме упомянутой выше ст. 48 Закона о наркотических средствах и психотропных веществах, чаще всего используются ст. 27.7 и 27.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [4] (далее – КоАП РФ), регламентирующие порядок личного досмотра, а также изъятия вещей и документов в производстве по делам об административных правонарушениях. Так, гр. Б., находившийся под оперативно-разыскным наблюдением, был задержан и доставлен в помещение правоохранительного органа, где был подвергнут личному досмотру, в результате чего у него был обнаружен наркотик. Данный факт нашел документальную фиксацию в протоколе личного досмотра и изъятия, в качестве правовых оснований которого были указаны перечисленные выше статьи административного законодательства [8]. В то же время представленные заявителем материалы свидетельствовали, что оперативные сотрудники уже располагали двумя достоверными фактами незаконного сбыта им наркотиков, имевшими место ранее, что обязывало их в соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ возбудить уголовное дело и позволяло производить задержание в уголовно-процессуальном порядке.

Нельзя не отметить и распространенность практики захвата с поличным и личного досмотра при проведении ОРМ на основании Федерального закона «О полиции» [14] (далее – Закон о полиции). Так, после получения вымогавшейся гр. Т. взятки он был задержан и досмотрен оперативными сотрудниками, что позволило изъять в кармане его верхней одежды конверт с предметом взятки и возбудить после этого уголовное дело. В качестве правового основания личного досмотра в данном случае использовались пун-

кты 10 и 16 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции [14]. Ссылки на эти нормы свидетельствуют, что правоприменитель исходил из административно-правового характера своих действий. Первая из числа указанных в протоколе норм, как известно, наделяет сотрудников полиции правом на проведение ОРМ и на изъятие при их осуществлении документов, предметов, материалов и сообщений. Такое предписание, на наш взгляд, само по себе не может выступать основанием для личного досмотра, который, как известно, не отнесен законодателем к числу ОРМ. В свою очередь, п. 16 той же статьи наделяет сотрудников полиции правом «осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан <...> при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения». Отсюда следует, что данная норма дает основания для личного досмотра исключительно в целях обнаружения и изъятия незаконно носимых предметов, изъятых из гражданского оборота, к числу которых денежные средства, даже выступающие предметом взятки, как это имело место в деле заявителя, не относятся. Отсюда следует, что указанные в протоколе законоположения, как уже аргументировалось нами выше, не могли выступать основанием для личного досмотра заявителя [24].

В конституционных жалобах приводятся факты, когда производство личного досмотра задержанного оформляется протоколом, в котором вообще отсутствуют ссылки на какие-либо законодательные нормы. Подобные действия нельзя признать законными, поскольку составители такого рода документов руководствуются не нормой права, а известным «жегловским принципом»: вор должен сидеть в тюрьме, что чревато опасностью фальсификаций и злоупотреблений должностными полномочиями ради достижения целей ОРД. К примеру, в одной из жалоб документально подтверждался факт того, как сотрудники полиции при задержании наркосбытчика, успевшего выбросить на землю пакетик с наркотиком, надели на него наручники, а подобранный пакетик скотчем приклеили к его ладони, после чего приступили к оформлению протокола личного досмотра [9].

В практике имеют место факты, когда оперативные сотрудники осуществляют задержания подозреваемых и их личные досмотры в порядке административного производства даже при наличии возбужденного уголовного дела. Так, один из заявителей был задержан на основании поручения следователя

о его розыске и задержании, в котором прямо указывалось, что разыскиваемый подозревается в незаконном производстве психотропного вещества. После задержания он был подвергнут личному досмотру на основании ст. 27.7 КоАП РФ, в результате которого в его одежде было обнаружено и изъято психотропное вещество, признанное судом одним из доказательств обвинения. Автор обращения справедливо ставит вопрос о незаконности действий сотрудников полиции по обнаружению и изъятию у него психотропного вещества, которые должны были осуществляться в уголовно-процессуальном порядке [12]. В данном деле трудно понять причину, по которой оперативные сотрудники, имея на руках поручение следователя, не применили уголовно-процессуальный порядок задержания подозреваемого, поскольку никаких юридических препятствий для этого не существовало. Правда, в этом случае начинал бы отсчитываться 48-часовой срок задержания, что ограничивало действия оперативных сотрудников жесткими временными рамками.

Жалобы в Конституционный Суд на необоснованное применение административных процедур задержания и личного досмотра при проведении ОРМ обусловлены прежде всего тем, что суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел, как правило, оставляют без удовлетворения ходатайства обвиняемых о признании недопустимыми доказательств, полученных в результате таких досмотров. Их решения аргументируются, в частности, тем, что при досмотре соблюдались общие для такого рода действий правила о необходимости присутствия понятых, обязательности ознакомления досмотренного лица с протоколом, о разъяснении ему права на обжалование, о подробном описании и упаковке изъятых предметов и т.д. При этом в подавляющем большинстве судебных решений не дается оценка допустимости использования административных процедур для получения доказательств по уголовным делам.

В то же время в судебной практике можно встретить решения, в которых такие процедуры признавались неправомерными. Так, одним из кассационных определений Санкт-Петербургского городского суда было оставлено в силе решение первой инстанции о незаконности проведенного оперативными сотрудниками в административном порядке личного досмотра гражданина, фактически задержанного в помещении, в котором проходил обыск. В этом решении было указано, что в рассмотренном случае следовало проводить личный обыск в уголовно-процессуальном порядке на основании ч. 2 ст. 184 УПК РФ, согласно которой эта принудительная мера может быть применена при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в обыскиваемом помещении, скрывает при себе предметы, могущие иметь значение для уголовного дела [3].

Более четкая позиция по рассматриваемой проблеме была сформулирована в постановлении Заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации по запросу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о пересмотре уголовного дела, возбужденного по факту изъятия в процессе личного досмотра психотропных веществ. В этом решении был сделан вывод о незаконности задержания и досмотра обвиняемого, поскольку вместо протокола задержания был составлен акт личного досмотра задержанного, в котором отсутствовала отметка о разъяснении задержанному его процессуальных прав, а также основания и мотивы задержания, как того требует уголовно-процессуальный закон [18]. Отсюда следует, что в понимании Заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации предусмотренный административным законодательством личный досмотр не может применяться при осуществлении ОРМ в отношении лиц, на которых имеются оперативно-разыскные данные о подготовке или совершении ими преступления (далее – заподозренные).

Приведенные выше примеры вполне логично требуют перейти к анализу решений Конституционного Суда по такого рода жалобам, массив которых содержит богатый правовой материал, позволяющий найти и обосновать ответ на вопрос, вынесенный в название данной статьи. Изучение этих решений показывает, что фундаментальная правовая позиция по рассматриваемой нами проблеме была сформулирована Конституционным Судом еще в 1997 г. в постановлении по обращению гражданина, обжаловавшего свое задержание на основании закона субъекта Российской Федерации, предоставляющего право сотрудникам органов внутренних дел задерживать в административном порядке сроком до 30 суток членов организованных преступных групп. Суть этой правовой позиции состоит в том, что административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не может применяться в делах об уголовных правонарушениях; в противном случае были бы нарушены принципы как уголовного (уголовно-процессуального), так и административного (административно-процессуального) законодательства [19].

Свое развитие и конкретизацию данная правовая позиция получила в определении по жалобе гражданина, принудительно доставленного в орган внутренних дел для проведения его оперативно-разыскного отождествления. В своем решении Конституционный Суд отметил, что проводимое в рамках ОРД отождествление личности относится к мерам проверочного характера в целях установления лиц, причастных к преступной деятельности, и не предполагает применения такой меры принуждения, как

задержание отождествляемого лица; задержание как мера принуждения, мера обеспечения подготовки и проведения ОРМ или достижения каких-либо целей оперативно-разыскной деятельности Законом об ОРД не предусмотрено; оно может иметь место в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ (ст. 27.3 и 27.4) или УПК РФ (ст. 91 и 92), которые предусматривают обязательное составление протокола задержания [15]. Впоследствии эта правовая позиция десятки раз воспроизводилась в других решениях по жалобам граждан, задержание которых производилось на основании норм административного законодательства в процессе проведения проверочной закупки наркотиков, оперативного эксперимента, наблюдения и некоторых других ОРМ.

Принимая решение по жалобе, поводом для которой стали действия оперативных сотрудников, оформивших личный обыск задержанного под видом такого ОРМ, как «исследование предметов и документов», Конституционный Суд указал, что норма, закрепляющая возможность проведения исследования предметов и документов, не регламентирует отношения, связанные с задержанием и личным обыском задержанного [16]. С учетом этого разъяснения не может быть признано правомерным и проведение личного досмотра заподозренного лица, оформляемого некоторыми «находчивыми» правоприменителями, в качестве составного элемента тактики проверочной закупки или оперативного эксперимента.

Приведенная выше правовая позиция Конституционного Суда и принятые на ее основе решения по жалобам граждан, посвященные рассматриваемой проблеме, позволяют, на наш взгляд, прийти к однозначному выводу о недопустимости применения административно-правовых процедур для задержания и личных досмотров граждан, заподозренных в совершении преступлений.

Однако в юридической литературе было высказано диаметрально иное толкование этой правовой позиции, которое может привести правоприменителя в заблуждение, а потому требует дополнительной аргументации нашего вывода. В частности, по мнению В.А. Гусева и В.Ф. Луговика, Конституционный Суд в своих решениях допускает возможность применять задержание как принудительную меру обеспечения подготовки и проведения ОРМ в порядке и по основаниям, установленным КоАП РФ. Тем самым авторы делают свой вывод: «неполноту и усеченность нормативной регламентации процедуры проведения ОРМ предлагается компенсировать правовыми суррогатами» [2, с. 195]. Свой вывод уважаемые нами коллеги обосновывают ссылкой на два определения Конституционного Суда, которые были, к сожалению, некорректно ими процитированы, а потому их суть оказалась искажена. Для объективности своей

аргументации мы вынуждены воспроизвести выдержку из этих решений дословно. В них Конституционный Суд указал, что «задержание – как мера принуждения, обеспечения подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий или достижения каких-либо целей оперативно-розыскной деятельности – названным Законом не предусмотрено (курсив авт. – А.Ч., И.Ш); оно может иметь место в порядке и по основаниям, установленным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 27.3 и 27.4) или Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (статьи 91 и 92)» [17]. Если из этого текста удалить выделенную курсивом фразу, то действительно можно истолковать приведенное положение так, как это было сделано нашими коллегами. Но эта фраза имеет ключевое значение для понимания смысла правовой позиции Конституционного Суда, откуда следует, что законодатель в сфере ОРД не допускает задержания и досмотра; такие действия допустимы лишь в процессе административной или уголовно-процессуальной деятельности, которые имеют свои цели и задачи, отличные от ОРД.

Подтверждением этому служит другая важная правовая позиция Конституционного Суда о том, что «учитывая цели и задачи оперативно-розыскной деятельности, вопрос об ограничении конституционных прав в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий по проверке информации о противоправных деяниях и лицах, к ним причастных, подлежит разрешению по общему правилу, в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений» [20]. Отсюда следует, что принудительных административных процедур задержания и личного досмотра в процессе ОРД Конституционный Суд не допускает, а потому упреки в его адрес о якобы разрешенной им возможности использования в ОРД «правовых суррогатов» представляются безосновательными. В то же время мы солидарны с нашими оппонентами в главном – недопустимости применения в ОРД административного задержания и личного досмотра лиц, заподозренных в совершении преступлений [2, с. 201, 209].

Таким образом, ответив на вопрос, вынесенный в название статьи, в заключение полагаем необходимым высказать свою позицию о путях решения рассмотренной проблемы.

Прежде всего, мы разделяем позиции ученых о необходимости дополнительного регулирования процедур задержания (захвата) с личным при проведении ОРМ. Безусловно, привлекательным для специалистов представляется, в частности, проект оперативно-разыскного кодекса, предполагающий в отдельной главе регламентировать процедуры задержания и личного досмотра при проведении ОРМ [2,

с. 307-309; 6, с. 54-57]. Однако авторы этого проекта не наделили никакими правами лиц, подвергаемых задержанию и личному досмотру, в отличие от КоАП РФ и УПК РФ, а потому не предусмотрели в предлагаемых процедурах обязательности разъяснения прав задержанным и досматриваемым лицам. Прежде всего, это не согласуется с правом на помощь адвоката с момента задержания, гарантированного ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, и с обязанностью должностных лиц правоохранительных органов разъяснять гражданам, ставшим объектами принудительного воздействия, их конституционные права. Поэтому в этой части указанный проект нуждается в более глубокой проработке. Кроме того, вызывает сомнение целесообразность предлагаемого 3-часового срока задержания, поскольку за это время практически невозможно реализовать все задачи, разрешаемые с помощью этой меры принуждения. Практичным в этой части нам представляется предложение о продолжительности оперативно-разыскного задержания до 48 часов [22, с. 51-54].

Более радикальные и перспективные взгляды о путях решения проблемы высказываются учеными-процессуалистами, рассматривающими правовую природу задержания как сугубо полицейскую меру, которая, как правило, применяется исключительно до возбуждения уголовного дела [5, с. 525-527]. С учетом этого ими обосновывается идея о разработ-

ке и принятии отдельного нормативного правового акта межотраслевого характера – федерального закона «О задержании». Такой закон, с чем мы не можем не согласиться, позволил бы интегрировать разрозненные полномочия правоохранительных органов, а не только их оперативных подразделений по фактическому задержанию, доставлению и досмотру лиц, застигнутых при совершении преступления, в целях формирования единообразной практики вынужденного ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность [21, с. 175].

Реализация законодателем предлагаемых мер, на наш взгляд, позволила бы разрешить рассматриваемую проблему и ввести в правовое поле действия оперативно-разыскных служб по задержанию с личным в процессе проведения ОРМ. В условиях же действующего правового регулирования сотрудникам этих служб при планировании операций по задержанию с личным лиц, подозреваемых в совершении преступлений, следует использовать исключительно уголовно-процессуальные процедуры задержания и личного обыска. Для этого в том числе должен использоваться потенциал ст. 157 УПК РФ [23, с. 131], наделяющей органы дознания правом на возбуждение уголовных дел и производство по ним неотложных следственных действий, включающих задержание и личные обыски задержанных.

Литература

1. Гирько С.И., Воронин М.Ю., Драган Г.Н. Комментарий к Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный). М.: Деловой двор. 2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гусев В.А., Луговик В.Ф. Теория оперативно-разыскных процедур: монография. М.: Проспект, 2019. 318 с.
3. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 апреля 2011 г. № 22-2003 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М.: Статут, 2017. 848 с.
6. Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.
7. Макарейко Н.В. Административное право: учебное пособие для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019.
8. Материалы обращения № 10286/15-01/13 от 12.09.2013 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
9. Материалы обращения № 13650/15-01/17 от 06.12.2017 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
10. Материалы обращения № 1533/15-01/17 от 09.02.2017 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
11. Материалы обращения № 16844/15-01/12 от 15.11.2012 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
12. Материалы обращения № 9444/15-01/18 от 10.08.2018 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.
13. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1528-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 73-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2013 г. № 4-Д13-34 об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1997 г. № 11-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 г. № 12-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 193 с.
22. Супрун С.В. Оперативно-розыскное задержание при проведении ОРМ «проверочная закупка» // Уголовный процесс. 2014. № 3 (март). С. 51-54.
23. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 125-134.
24. Шатохин И.Д. Административные задержания и досмотр в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 240-249.